

УДК 101.2; 930.2

*И. П. Басалаева***СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КОНЦЕПЦИИ ФРОНТИРА Ф. ДЖ. ТЕРНЕРА**

В статье выявляются эпистемологические основания концепции фронта, заявленной американским историком Ф. Дж. Тернером в 1890-х годах и заимствованной отечественным сибиреведением в 1990-х годах. Обосновывается необходимость социально-философского анализа положений фронтальной концепции – в целях выведения фронтальных исследований из конкретно-исторической области в поле междисциплинарных исследований, а также в целях конструирования идентичности социальной философии, пребывающей сегодня в состоянии самоопределения.

Ключевые слова: фронт, фронтальные исследования, Ф. Дж. Тернер, социальная философия, эпистемологические основания.

*I. P. Basalaeva***SOCIO-PHILOSOPHIC FOUNDATIONS
OF TURNER'S FRONTIER THESIS**

The article identifies the epistemological foundations of the frontier thesis claimed by the American historian F. J. Turner in 1890s and borrowed by the domestic Siberiologists in the 1990s. The necessity of the social and philosophical analysis of the frontier theses in order to lead frontier research out of specific historical areas into the field of interdisciplinary research, as well as to identity construction of social philosophy, which is now in a state of self-determination.

Keywords: frontier, frontier research, F. J. Turner, social philosophy, epistemological foundations.

Парадигмальная перестройка отечественной гуманитаристики в последней четверти XX века была обусловлена в том числе процессами внутринаучной динамики, прежде всего импортированием теоретических конструкций и целых систем западной социально-гуманитарной мысли. По понятным причинам эта революция произошла преимущественно в «науках о духе»: система российского естественно-научного знания хотя также изменилась, однако глобального потрясения основ все-таки не пережила. В гуманитаристике же процесс парадигмальных метаморфоз был инициирован в историографии. Одним из продуктивных заимствований 1990-х годов стала концепция фронта, столетием ранее разработанная в англоязычных реконструкциях истории европейской колонизации. Работа в логике

фронтальных исследований была воспринята постсоветским историческим сообществом как шанс преодолеть собственный методологический монизм, доставшийся в наследие от эпохи истмата, и, отчасти, как обетование репутационно-статусных предпочтений для исследователей. Фронтальные новации принимаются не всеми специалистами в области истории России XVII–XX веков, но массив соответствующих публикаций в литературе растет.

На сегодняшний день можно констатировать, во-первых, некоторое освежение традиционной исторической проблематики (преимущественно сибиреведческой), во-вторых, насыщение фронтальной концепции новым фактуальным материалом (в связи с чем из национальной она на глазах превращается в «интернациональную»), в-третьих,

институционализацию соответствующего круга исследований (свидетельство чему – проникновение фронтирной тематики в диссертационные работы). Этим, собственно, эффект введения американской концепции в постсоветскую историографию пока исчерпывается. Причина в том, что активная эксплуатация нового концепта не сопровождается должной методологической рефлексией его содержания и эпистемологических оснований. Дальнейшего развития фронтирной теории не происходит, если не иметь в виду ряд довольно удачных, однако несистемных опытов разработки данной проблематики в социальной географии, когнитивной географии и ландшафтных теориях в целом. В подавляющем большинстве случаев термин *фронтир* используется как нечто самоочевидное и не нуждающееся в дефинировании. Не преодолен узкоисторический взгляд на фронтир, ограниченный анализом социально-экономического материала и не могущий учесть те онтологические уровни феномена, которые не фиксируются объективистской методологией. Длющиеся попытки «приземлить» фронтир на конкретно-исторический материал и сделать его категорией традиционно понимаемого исторического анализа создают ряд затруднений, не разрешимых в дисциплинарных границах историографии.

При современной постановке исследовательских проблем фронтир далеко не ограничивается значением *территориальный локус*, это вообще не «чисто географический» феномен. Фронтир следует рассматривать как процесс и результат социального конструирования фазового (смыслового, признакового) пространства, базовые значения которого седиментируются в «статике» территориальной идентичности. Граница уже Г. Зиммелем, автором концепта *социальное пространство*, понималась отнюдь не как пространственный факт с социологическими последствиями,

но как социологический факт, формируемый пространственно. Такое пространство определяется термином *культурный ландшафт*. Аналитический инструментарий для анализа фронтирной проблематики в подобном ракурсе только начинает разрабатываться.

Новые горизонты трактовки фронтирной концепции в статусе сибиреведческой междисциплинарной парадигмы открываются в поле социально-философского анализа. Речь идет об экспликации эпистемологических оснований тех или иных конкретно-исторических положений фронтирной теории с целью выявления как обеспечиваемых ими эвристических ресурсов, так и ограничений. Однако у этой задачи имеется и другое измерение, поскольку адекватно решена она может быть не способом «точечного», экзemplярного анализа (примененного к отдельно взятой концепции), а в более широкой постановке: путем социально-философской интерпретации историографического знания в целом. Подобная работа может претендовать на роль специальной исследовательской программы, которая не только существенно обогатит возможности фронтирной концепции, но и укрепит статус самой социальной философии. Относительно последнего в профессиональной литературе не прекращаются споры. Кроме того, это может обеспечить методологически-транспарентную эмансипацию от философии истории – традиции весьма представительной и в этом отношении также «угрожающей» аутентичности современной социальной философии.

Известно, что дискуссия об идентичности социальной философии, ее позиций в радикально перекроенном после перестройки пространстве философского знания вращается вокруг нескольких основных тем. Обсуждается вопрос, «наука или философия» социальная философия. Полемизируется проблема демаркации социальной

философии и иных так называемых отраслевых философий. Центральной же точкой дискуссий выступает разведение сфер компетенций социальной философии и ее главного конкурента – теоретической социологии. Последнее делается в двух основных направлениях. Во-первых, и в большинстве случаев, постулируется неколебимое преимущество социальной философии просто потому уже, что она – философия, а значит, по определению занимается глубинными и общими онтологическими вопросами, к тому же наделена интегрирующей функцией. Это, впрочем, не вытекает автоматически из номинальных таксономий философского знания (то есть именование чего-либо «онтологией» еще не гарантирует соответствующей этому понятию «метафизичности»), а социология при этом остается опасным соперником. Во-вторых, и значительно реже, предпринимаются попытки не субстанциональной, но функционально-методологической идентификации социальной философии. Именно такая фокусировка дисциплинарной специфики могла бы послужить исследовательской программой реконституирования российского социально-философского знания, родимым пятном которого остается генетическая связь с истматом. Хотя более точно было бы характеризовать эту связь как персонально-генеалогическую, поскольку она определяется рисунком профессиональных биографий социальных философов, принадлежащих к определенной возрастной когорте.

Продуктивным вектором соответствующих методологических поисков представляется программа, предложенная томским философом В. Н. Сыровым. По его мнению, задачей, определяющей дисциплинарные контуры социальной философии, должна стать экспликация эпистемологических оснований как конкретных социальных теорий, продолженная их критическим анализом, так и оснований социального знания

в целом [8, с. 25]. Тем самым достаточно четко определяется объект социально-философской рецепции: им выступает курс социальных наук. Ниже излагается опыт рефлексии оснований фронтальной концепции в рамках сформулированной программы.

Согласно намеченной логике, предметом внимания должны стать, во-первых, исходная концепция Ф. Дж. Тернера, и, во-вторых, фронтальные исследования, возникшие в результате ее применения к «неисходному» сибирскому материалу. При этом можно предположить как минимум два уровня анализа: 1. Выявление теоретического базиса фронтальной теории, доступное в аналитических процедурах философии истории, то есть собственно эпистемологический анализ. 2. «Философская экспертиза» метафизических установок, фундирующих как теоретический базис, так и саму фронтальную концепцию [8, с. 24]. Это уровень онтологического анализа, понимаемого в неклассическом смысле, ибо в нем предполагается фокусировка объекта как семиотически артикулированного, а это, в свою очередь, одна из презумпций постмодернистского философствования [5, с. 542]. Путеводной нитью «философской экспертизы» выступает герменевтическая работа с нарративом как единственной онтологической реальностью. Этот уровень анализа может быть отнесен к собственно социально-философской герменевтике.

Изложим предварительные результаты применения данных методологических установок, полученные в ходе социально-философской интерпретации фронтальной концепции.

В трактовке основателя теории концепт *фронт* остается вписанным в традиционную макромоделю историографии, несмотря на разработанную Ф. Дж. Тернером новаторскую идею секционализма, которая по сути знаменовала институционализацию

локально-исторического направления в американской историографии. Традиционное социально-историческое знание основывается на принципах линейно-восходящего, безальтернативного развития и обобщающих категориях имперского генега. К последним относятся, в частности: представление о линейности исторического времени; основанная на универсалистской хронологии концепция мировой истории; идея прогресса, выступавшая в свое время «научным» оправданием «просвещенной» колонизации; телеологизм; идея всеобщих человеческих ценностей, предполагающая колониальное градуирование человеческой природы между полюсами «отсталости» и «цивизованности».

Перечисленные принципы не только организуют историческое исследование, но и выступают инструментами иерархического структурирования реальности (текущей для хронологического регистра исследования). Это опосредованное структурирование, происходящее через призму исторического нарратива, который не столько репрезентирует реальность, сколько легитимирует систему кодов формируемой им модели мира. Тем самым макроисторический характер исторического нарратива имплицитно содержит существенный потенциал властного контроля над реальностью. Аналогичные принципы вычитываются и из фронтальной концепции. В целом она тяготеет к стадиальной схеме в описании «типов» фронта (*индейский, охотничий/пушной, торговый, скотоводческий/фермерский, горнорудный, миссионерский* и т. п.), причем налицо влияние колониальной парадигмы на идентификацию именно таких «типов». Собственно самая их «типологичность» составляет отдельную, еще не поставленную проблему.

В методологическом отношении фронтальный дискурс американской историографии, как и родственной ему российский

колониальный дискурс, безусловно, продукты эволюционистской парадигмы исторической философии. Именно этим фундаментом объясняется столь частая апелляция обоим к мотиву цивилизаторской миссии *просвещенных* наций по отношению к *дикарям и туземцам* (данные слова, в соответствии с этосом науки XIX века, употреблялись во времена Тернера в статусе терминов). Районы, на которые распространялась имперская экспансия, официально объявлялись *пустующими, безлюдными, свободными*, причем без усмотрения очевидного логического конфликта в таких, например, типичных утверждениях: «Но к 1810 году правительство уничтожило права индейцев на неосвоенные земли Западного резервного района...» (подчеркнуто нами. – *И. Б.*) [9, с. 121]. В приведенной фразе налицо смешение государственно-правовой лексики с концептами культурно-историческими: мы видим работу семиотического механизма исключения *другого/чужого* из относительно замкнутой ментальной карты фронтующих групп. Для имперского сознания белого американца Ф. Дж. Тернера отсутствие белого населения на какой-либо территории автоматически означает ее «пустоту» и «безлюдность». Соответствующими эпитетами работы Тернера буквально пестрят; что же касается эпитета *дикий*, то это самая частотная атрибуция территорий продвижения фронта. Такая позиция служит идеальным оправданием имперского вмешательства в чужие территориальные владения: колонисты склонны возвышать свое присутствие на новых землях до уровня миссии всемирного значения. Как бы зов самой истории ставит их перед необходимостью «расширить свое господство над неодоушевленной природой», над континентом, который «первоначально был примитивным и инертным», с тем чтобы «поднять» его до цивилизованного состояния [9, с. 17, 22]. Место входа фронтующей группы кон-

струируется как «чистое» до такой степени, что оно предстает «землей, у которой не было истории» [9, с. 19]. Дальнейшие события на такой земле слагаются в последовательный «путь прогресса, пройденный от условий дикости», а сам этот путь «дает богатый материал для изучения специалистами в области эволюции» [9, с. 22]. Соответствующие идеологемы глубоко интегрированы в мышление Ф. Дж. Тернера, хотя он вполне признавал и обратную, разрушительную сторону процесса.

Сугубо европоцентристский характер имеет стратегия нарративизации образа аборигенных народов в фронтальной концепции. Ни в современной литературе, ни тем более в работах Ф. Дж. Тернера не проблематизирована перцепция фронта доминируемые группы. На необходимость такого ракурса обратил внимание Г. Рейнолдс еще в 1980-е годы; тем не менее, несмотря на очевидную предметную близость, данная задача не поставлена в постколониальных и империологических исследованиях. Индигенные этнические группы в районах разворачивания фронтальной динамики продолжают описываться в бинаристской логике семантико-аксиологических оппозиций как чистый объект, лишенный голоса и иных субъективных качеств.

Фронтальный хронотоп в историографических нарративах обнаруживает значительное тяготение к космогонической мифологии. Образ фронтального социокультурного пространства напрямую соотносится с мифологическим демиургическим, это *Хаос*, подлежащий преобразованию в *Космос*, это место *творения*. Перенасыщенность космогоническими аллюзиями, предваренная традицией нарративного конструирования образа Сибири как «пустого места» в XVIII–XIX веках, заложила основу советской идеологической матрицы описания западносибирских «новых» промышленных

городов [6]. В имперской риторике фронтальные земли – это территория реализации различных, большей частью грандиозных проектов. Ф. Дж. Тернер не оспаривает цитируемое им утверждение итальянского экономиста о том, что Америка – это «земля, у которой не было истории» до начала ее освоения европейцами. Помимо связи с имперским комплексом, очевидно смысловое родство подобной трактовки фронта с космогоническим мифом. Не случайно Тернер формулирует фундаментальную мифологему американского фронта как «вечное возрождение», метафорически констатируя возобновляемость общественного развития, которое начинается на фронте снова и снова [9, с. 14]. Фактически это не что иное, как перманентная актуализация «времени сновидений» [4], в процессе которой Америка рассматривается в комплексе аллегорических атрибутов библейской пустыни и противопоставляется Ханаану.

Значима и обратная сторона этого циклического процесса, ведь «вечное возрождение» требует некой наличной пустоты. В ее физическое отсутствие пустота конструируется нарративно. Исходная «пустота» земель транслировалась в советском дискурсе о героическом освоении сибирских территорий вплоть до начала 1990-х годов и была предметом особого тщания советских идеологов. Мифологема перманентной новизны, возможно, вообще является одним из базовых архетипов русского образа пространства, не случайно, по замечанию Г. Лаппо, самый древний русский город называется Новгородом [3]. Широкая реализация паттерна «вечно молодой территории» в СССР семиотически легализовала уничтожение историко-архитектурного наследия в старых городах (особенно в тех, которые были избраны ареной разворачивания индустриального фронта).

Фронтирную концепцию Ф. Дж. Тернера следует расценивать как проект *имперской* реинтерпретации истории. *Локальное* присутствует в его построениях лишь внешним образом, а сама теория вписывается в колониционную макроисторическую модель. Не случайно возникла тенденция рассматривать фронтир как один из видов модернизации (в работах И. В. Побережникова и других представителей уральской школы); в нашем контексте это означает, что фронтирная концепция со всем ее категориальным аппаратом, размещенная в дискурсивном пространстве модернизационной парадигмы, обретает новое звучание. Ф. Дж. Тернер фактически артикулировал – в историографических терминах и процедурах – национальную американскую идентичность, подобно тому как в том же XIX столетии это сделали американские писатели, начиная с фактического родоначальника национальной литературы В. Ирвинга. В трактовке литературной феминистики, развивающей круг идей Ж. Лакана и Ж. Дерриды, новелла Ирвинга «Рип Ван Винкль» оценивается как одна из двух «самых американских» по духу произведений американской литературы (второе – «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя). В них наиболее полно выразилось самоощущение американцев, их архетипическая маскулиная установка по отношению к миру цивилизации.

Рип Ван Винкль, герой самой ранней поры колонизации, воплощает универсальную американскую мечту: это человек в бегах, чьей главной характеристикой является «непреодолимое отвращение к производительному труду» [2, с. 4], готовый исчезнуть куда угодно: в глушь лесов и прерий, на войну – лишь бы только избежать тягот цивилизации (речь идет об исполнении обязанностей отца семейства, о содержании фермы и т. д. – все это представлялось Рипу «немыслимым и невозможным» [2, с. 5]).

Новелла В. Ирвинга, написанная в 1819 году, фиксирует факт становления американского самосознания: за двадцать лет отсутствия героя произошла война за независимость и свержение ига Старой Англии, а сам Рип превратился в свободного гражданина Соединенных Штатов. В результате, как отмечает новеллист, «изменился, казалось, даже самый характер людей. Вместо былой невозмутимости и сонного спокойствия во всем проступали деловитость, напористость, суетливость» [2, с. 14].

Проблему влияния поэтики американской фронтирной беллетристики на базовые положения концепции Ф. Дж. Тернера еще только предстоит поставить. Здесь мы лишь проиллюстрируем продуктивность подобной проблематизации. Фронтиру, по мнению Ф. Дж. Тернера, «американский интеллект обязан своими потрясающими чертами. Эта грубость и сила, соединяющаяся с пронизательностью и любознательностью; это практический, изобретательный склад ума... это мастерское понимание сути материального мира, лишенное артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неутомимая нервная энергия, этот господствующий индивидуализм, работающий ради добра и зла; и в то же время эти жизнерадостность и избыток чувств... свежесть, доверие, презрение к старому обществу» [9, с. 39–40]. Это – гимн человеку фронта, самый типаж которого навеян литературными реминисценциями, но, конечно, не академический анализ фронтирного габитуса.

Теория колонизации была откровенно метропольной моделью, которая не только стала первым системным опытом создания «большой» истории, но и выступила инструментом конструирования профессионального исторического поля, сформировала научный этос – другими словами, стала средством обоснования метропольной исторической науки.

Концепция фронта на этом фоне с первого взгляда выглядит моделью деколониальной, однако последовательный эпистемологический анализ обнаруживает в ней значительное количество колониальных обертонов.

На трактовку фронта явный отпечаток наложили также идеи философии жизни. Социокультурная динамика фронта предстает у Ф. Дж. Тернера в виде институционального проявления сокровенных «жизненных сил», вызывающих к жизни некие социальные формы, что, по его мнению, возможно как результат деятельности лишь у «растущего народа». Важнейшим индикатором «роста» предстает осуществляемая таким народом постоянная экспансия, что созвучно идее пассионарности Л. Н. Гумилева. Фронт есть процесс экспансии территориальной, культурной, экономической. Обосновывая свою теорию секционализма, Тернер подчеркивал, что, как бы ни были значительны местные различия внутри секции, она обладает «в своей физической географии, экономической и общественной жизни таким единством и взаимозависимостью, которые дают основание изучать регион как единый организм» [9, с. 13, 116]. Эта линия была продолжена в геополитической традиции, где тезис о «давлении границ» в «удушающе тесном пространстве» логически предполагает наличие некоего «жизненного инстинкта», сопротивляющегося этому давлению и принимающего исторически определенную «жизненную форму». Классики геополитики интерпретировали проявления этого инстинкта в связи с дарвинистской концепцией борьбы за существование, что логично привело К. Хаусхофера к постулированию «организма границы» как жизненной формы, наполненной «единой жизненной волей» [10, с. 231–247].

Вышесказанное имеет отношение к первому из заявленных уровней социально-

философского анализа фронтальной концепции, предполагающему выявление ее теоретических оснований. Второй уровень должен обеспечивать экспликацию онтологического фундамента парадигмальной системы, выступающей в качестве рамочной для фронтальных исследований. Это целесообразно осуществлять в феноменологическом регистре, который позволяет выявить ряд *метафизических позиций* как эпистемологически валентных установок понимания бытия. Согласно М. Хайдеггеру, данный ряд представлен конечным числом – «метафизической четверицей»). Работа в размеченном немецким феноменологом пространстве онтологического анализа дает возможность современным социальным философам довести его масштабный эскиз до тщательной лессировки деталей. В результате постулированные М. Хайдеггером четыре генеральных метафизических установки, охватывающие период от досократиков до Нового времени, могут быть качественно расслоены на ряд квалификаций, обладающих операциональной применимостью к задачам интерпретации феноменов разного уровня конкретности. Подобная дифференциация обещает стать важным методологическим шагом не только в области фронтальных исследований, но прежде всего в остроактуальной сфере формирования дисциплинарной идентичности социальной философии – благодаря разработке инструментария социально-философской нюансировки «больших» онтологических целостностей. Опыт подхода к такого рода анализу предьявлен нами в другой работе, выявляющей основания *проектизма* как типа новоевропейской экспансионистской мобильности, онтологическим фундаментом которого является *постав* (Gestell) [1].

Сегодня исследователям, работающим в фронтальной проблематике, становится все более очевидно, что дальнейшее развитие

концепции в экстенсивной логике прираще-
ния и нанизывания фактологии на импорти-
рованное понятие невозможно: нужна новая
группировка материала на новых основани-
ях. Современным вызовом является создание
релевантной методологии анализа сложного
феномена фронта. В этом отношении акту-
альна работа по разработке методик наррато-
логического анализа существующего масси-
ва текстов (от исторических документов до
литературных произведений, биографики,
пейзажной живописи, кинематографических
произведений и т. п.), то есть суммарной
репрезентации образа территории. Опера-
ционализация понятия *фронт* в статусе
категории социально-философского анализа
ставит вопрос о его трактовке как социокуль-
турного конструкта, то есть концептуальной
структуры научного знания, фиксирующей
так называемые ненаблюдаемые сущности.
В физике ими являются элементарные
частицы, в биологии – гены, в психоло-
гии – характерологические типы, в со-
циальном знании – типы общественных
структур, и т. п. Современная методология
науки исходит из тезиса о концептуально-
теоретической нагруженности опыта и под-
черкивает, что значение конструктов не мо-
жет быть исчерпывающе охарактеризовано
через их эмпирическую интерпретацию,
а может быть выявлено только в контексте

связей значений конструктов в концептуаль-
ных структурах типологий и теорий [11].

Таким образом, современной задачей
фронтальных исследований является разра-
ботка процедур реконструкции фронтальных
паттернов, играющих роль существенного
фактора динамики в пределах социокуль-
турного пространства сибирского макроре-
гиона. Именно эти реально присутствующие
в региональном социокультурном простран-
стве – не вещественные, а скорее «полевые»
или информационные – «устойчивые карка-
сы, инварианты, константы географической
среды, ее генетический код», позволяют *бы-
тию* пространства просвечивать сквозь его
сущее [7, с. 83]. Материалом реконструкции
фронтальных паттернов является фронтальный
дискурс, в «линзе» которого в новом свете
преломляются традиционные сибиреведче-
ские нарративы.

В последнем приближении историогра-
фия (как и иные формы дискурса) являет со-
бой систему экспертных *метаописаний* соци-
альной реальности, надстраиваемую над ее
самоописаниями. Социальная философия –
при должной операционализации ее аналити-
ческого инструментария – может обеспечить
уровень *метаметеоописаний*. Притязание
именно такого масштаба соответствует гно-
сеологическому статусу социальной филосо-
фии как *философии*.

Литература

1. Басалаева И. П. Фронт как *Место* в пространственном анализе социальной динамики // Вест-
ник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 208–214.
2. Ирвинг В. Рип Ван Винкль // Ирвинг В. Новеллы. – М.: Гослитиздат, 1954. – С. 3–20.
3. Лаппо Г. Города в пространстве России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=319>.
4. Мелетинский Е. М. Время мифическое // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К /
гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – 672 с. – С. 252–253.
5. Можейко М. А. Онтология // Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / гл. науч. ред. и сост.
А. А. Грицанов. – М.: АСТ, 2002. – С. 541–543.
6. Решикова И. П. Символично-мифологические компоненты первого метаописания города Сталин-
ска // Вторые чтения, посвящ. памяти Р. Л. Яворского: матер. Всерос. науч. конф. – Новокузнецк,
2006. – С. 176–186.

7. Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды: сб. тр. – Смоленск: Ойкумена, 2007. – 368 с.
8. Сыров В. Н. Как возможна современная социальная философия // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2011. – № 2 (14). – С. 20–27.
9. Тернер Ф. Фронтир в американской истории. – М., 2009. – 304 с.
10. Хаусхофер К. Границы в их историческом и политическом значении // Классика геополитики, XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 227–598. – (Philosophy).
11. Швырев В. С. Конструкт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 291–292.

Literatura

1. Basalaeva I. P. Frontir kak Mesto v prostranstvennom analize social'noj dinamiki // Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 18. – S. 208–214.
2. Irving V. Rip Van Vinkl' // Irving V. Novelly. – М.: Goslitizdat, 1954. – S. 3–20.
3. Lappo G. Goroda v prostranstve Rossii [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=319>.
4. Meletinskij E. M. Vremja mificheskoe // Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t. T. 1. A–K / gl. red. S. A. Tokarev. – М.: Sov. jenciklopedija, 1992. – 672 s. – S. 252–253.
5. Mozhejko M. A. Ontologija // Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija. HH vek / gl. nauch. red. i sost. A. A. Gricanov. – М.: AST, 2002. – S. 541–543.
6. Rewikova I. P. Simvoliko-mifologicheskie komponenty pervogo metaopisanija goroda Stalinska // Vtorye chtenija, posvjav. pamjati R. L. Javorskogo: mater. Vseros. nauch. konf. – Novokuzneck, 2006. – S. 176–186.
7. Rodoman B. B. Geografija, rajonirovanie, kartoidy: sb. tr. – Смоленск: Ojkumena, 2007. – 368 s.
8. Syrov V. N. Kak vozmozhna sovremennaja social'naja filosofija // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. – Ser. 7. Filosofija. – 2011. – № 2 (14). – S. 20–27.
9. Tjorner F. Frontir v amerikanskoj istorii. – М., 2009. – 304 s.
10. Haushofer K. Granicy v ih istoricheskom i politicheskom znachenii // Klassika geopolitiki, HH vek: sb. / sost. K. Korol'jov. – М.: AST, 2003. – S. 227–598. – (Philosophy).
11. Shvyryov V. S. Konstrukt // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / pod red. V. S. Stjopina. – М.: Mysl', 2010. – Т. 2. – S. 291–292.